

Т. М. Познякова, Т. В. Смолова

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРЕТ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Данная статья посвящена языковым способам выражения социального запрета в различных языковых культурах. Целью исследования является выявление и сопоставление структурных, лексико-семантических и функциональных особенностей запрещения в современном английском и русском языках. Исследование показало, что в настоящее время под воздействием английской лингвокультуры в русском языке происходит снижение коммуникативного воздействия социального запрета за счет замены прямых прохибитивов на косвенные речевые акты.

Социальный запрет является важнейшим механизмом регулирования отношений между людьми в обществе и определения их поведения в рамках социокультурного пространства. В запрещении проявляется стремление сохранить себя, свой личный покой, свою группу, в нем реализуется воля общества к самосохранению.

Все языки мира обладают разнообразными средствами выражения запретительных значений. Формальные средства и способы, посредством которых описываются ситуации запрета, могут быть различными в разных языках, но довольно часто имеют много общего в типичных ситуациях общения. Анализ средств выражения запрета в различных лингвокультурах позволяет показать мотивы создания запретительных высказываний, средства и этапы их осуществления, эффективность достигнутых целей. По всем этим и другим причинам прохибитивный дискурс становится объектом актуального комплексного изучения.

Исследования социального запрета в лингвистике осуществляется в рамках теории речевых актов Дж. Остина, где описываются следующие основные классы речевых актов: информативные (сообщения, или репрезентативы); акты побуждения (директивы, прескриптивы, требования информации); акты принятия обязательств (комиссивы); акты, выражающие эмоциональное состояние (экспрессивы); акты-установления (декларации, вердиктивы). Знакомство с научной литературой показывает, что лингвисты единодушны в вопросе отнесения запрещений к побудительным речевым актам, однако, их мнения расходятся тогда, когда речь идет об их классификации

внутри данной группы речевых актов. Некоторые лингвисты относят запретительный РА к прескриптивам, которые характеризуются обязательностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Однако Е. И. Беляева относит запрещения к директивам. Она определяет директивную интенцию как «стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия, исполнения которого первый из коммуникантов, отправитель, желает по тем или иным причинам» [1, с. 11]. По нашему мнению, применительно к некоторым видам запретов оба термина могут употребляться в качестве синонимов, но прямые запретительные речевые акты следует отнести к разряду прохибитивов в противовес прескриптивов, которые дают положительную мотивацию на совершение действия.

В процессе исследования прохибитивов наиболее часто имеет место грамматический подход, когда основной упор делается на синтаксико-семантический аспект и исследование лексического материала. У большинства представителей этого направления материал в основном ограничивается только конструкциями «не + императив» и «не + инфинитив», при этом почти не анализируются другие синтаксические конструкции, описывающие ситуации запрета.

При выявлении языковых особенностей РА социального запрета следует рассматривать две группы, в которых запрещение выражено эксплицитно или имплицитно, т.е. группы прямых и косвенных речевых актов. Для прямых актов запрета типичны простые синтаксические конструкции с лексическим наполнением, которое отличается жесткостью и категоричностью. Такая лексика представлена английскими глаголами *to forbid, to prohibit, to interdict, to inhibit* и их дериватами *forbidden, inhibition u inhibited*. Для русского языка самым распространенным является глагол *запрещать, воспрещать*, а также производные слова *запрещение, запрещено, запрет*.

Типичной синтаксической конструкцией является отрицательный императив, который выражает обязательное следование адресатом запретительному речевому акту. Например, *Don't feed animals! Don't let the dog out. Не выпускайте собаку на улицу. Не уверен — не обгоняй; Не оставляйте детей без присмотра! Не влезай — убьет!* К ним примыкают прохибитивы со структурой S (is) X, где S – существительное, инфинитив или герундий, а X – прилагательное или причастие. *Graft is prohibited. Parking prohibited between 8 a. m. and 6 p.m. Выгул собак запрещен. Курить воспрещается! Купаться запрещено! Посторонним вход воспрещен.* Такие категорические императивы представляет собой не терпящую возражений форму предупреждения.

Соответствующие русские конструкции типа *Ходить по путям воспрещается! Запрещается продавать сигареты детям до 18 лет! Воспрещается выносить справочники из читального зала* можно рассматривать как подобные структурой, полученные в результате простейших грамматических трансформаций.

Описанные прохибитивные конструкции характерны не только для русского и английского языка, но, можно предположить, будут типичны и для других языков, так как именно такие формы социального запрета в наиболее краткой и доходчивой форме предупреждают об опасных для жизни ситуациях или нормах общественного поведения, несоблюдение которых может считаться нарушением закона.

Менее категоричными можно считать английские конструкции *No + Gerund / Noun* и русские *Не + инфинитив*: *No smoking! No entrance! Не курить! Не сорить! Не входить! Руками не трогать! С 8 часов утра до 6 часов вечера автомобили (на стоянку) не ставить.* Прохибитивы этого вида наиболее распространены в русском языке.

К уже описанным предложениям с прохибитивными глаголами по своей семантико-синтаксической организации наиболее близки предложения с антонимичными им пермиссивными глаголами (*to permit, to let, to allow* и *разрешать, позволять, позволено*), например, *Smoking not allowed. Читателям абонемента нельзя (не разрешается) брать из библиотеки одновременно более двух книг.*

Синтаксические структуры с составным глагольным сказуемым, первым элементом которого является модальный глагол в отрицательной форме, также характерен для запретительных высказываний. Большая или меньшая категоричность этой структуры зависит от семантики самого глагола: *Reference books must not be taken away from the Reading Room. You cannot drink this water, it's dirty. You're not to come into my room without knocking.*

Кроме описанных выше прямых речевых актов, в английском и русском языках имеется большой набор других способов выразить запрещение иначе, не употребляя прохибитивных глаголов. Такие запреты следует отнести к косвенным речевым актам. Е. М. Кулеш отмечает ряд запретительных конструкций, которые побуждают говорящего к выполнению адресатом некоторого действия, что позволяет, с одной стороны, следовать принципу вежливости, а с другой стороны, эффективно реализовывать свои задачи. Такое побуждение звучит более вежливо, так как адресату предоставляется возможность принятия самостоятельного решения и тем самым достигается больший эффект [2, с. 48]. Например: *Keep our city free of dog dirt. Pay and display area only. Reversed parking only.* Для русского языка

характерны номинативные структуры типа *Платная стоянка. Зарезервированная парковка.*

Анализ выражения запрета в общественных местах в англоговорящих странах показал, что английский язык использует некоторые приемы воздействия на адресата посредством вежливых просьб (*In the interest of the majority of our passengers, please, would you not smoke on this bus. Please, take all your litter away with you*); апеллирования к чувству долга (*Долг каждого читателя — бережно обращаться с библиотечными фондами*); разъяснения причин требования, т.е. обращение к разуму (*A request! All the Zoo birds are fed scientifically prepared diets and additional food could prove fatal! We therefore ask you: PLEASE, DO NOT FEED THESE BIRDS.*); игры слов, юмора, рифмовок (*Kill your speed, not a child! Feed a pigeon, lose a finger. Please, do not invite crime by leaving the handbags and valuables on your seat unattended. Drive with care, give us a brake*).

Социальный запрет в русском языке все еще довольно часто выражен прямо, категорично и прямолинейно, как во времена Советского Союза, где это были общепринятые формы для любого прохибитива. Наличие восклицательного знака еще более увеличивает силу запрета, действует на эмоциональном уровне. (*По газонам не ходить!*) В английской лингвокультуре прямые речевые акты используются только тогда, когда речь идет об опасности, грозящей человеку, обществу или частной собственности (*No trespassing!*). Сравним русскую вывеску на двери, которая воспрещают входить *Посторонним вход воспрещен* и английский эквивалент *Private*. Русский вариант звучит строго, официально. В английском эквиваленте присутствует всего одно культурное для идеологии, менталитета, следовательно, и для культуры данного общества, слово: *private* — личное, частное, индивидуальное, а значит — неприкосновенное. Другой пример: русскому *Осторожно — злая собака* соответствует английское *Beware of the dog* (*Остерегайтесь собаки*). Русский текст предупреждает и пугает словом *злой*, английский просто информирует о наличии собаки.

Психологи утверждают, что запретительные клишированные запреты типа *Не курить, Не входить!*, к которым мы так привыкли, негативно сказываются на формировании личности и на атмосферу в обществе. Для снижения коммуникативного воздействия на собеседника в тех речевых актах, где это воздействие приходится оказывать, английские коммуниканты используют целую систему разнообразных стратегий: выражают побуждение не прямо, а косвенно; проявляют большой интерес к возможности, желанию, заинтересованности коммуниканта в совершении действия; предоставляют выбор (хотя бы на уровне формы) и др.

Следует отметить, что в настоящее время заметны изменения, которые произошли в нашем обществе, возможно, не без влияния англоязычной культуры. Все чаще можно встретить социальные запреты в форме просьбы-побуждения, а иногда и надписи явно юмористического и даже сатирического содержания: *Ешьте бананы с кожурой! Тише скажешь – дальше уедешь. В верхней одежде не входит даже на минуточку!!* Привычное *Не курить* все чаще заменяется новыми «политически корректными» формами: *Спасибо, что вы не курите, У нас не курят.* В первом случае это благодарность за то, что вы этого не сделаете. Второй случай еще более деликатен: нет ни приказа, ни благодарности, а просто информация без морального давления: у нас не курят, а Вы как хотите, как Вам совесть подсказывает.

Таким образом, можно сделать вывод о том, русские и английские различия в речевом поведении и актуализации социальных запретов отражают различия в иерархии культурных ценностей языковых коллективов, поэтому запретительные выражения в русскоязычных странах все еще более серьезны и направлены на обязательное их выполнение. Однако все чаще категорические, не терпящие возражений императивы заменяются на просьбы-побуждения, представляющие собой вежливое апеллирование к чувству, разъяснение причин требования, обращение к разуму и даже юмор и игру слов.

Литература

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения / Е. И. Беляева. – Воронеж, 1992. – 168 с.
2. Кулеш, Е. М. Косвенное побуждение как особый речевой акт. / Е. М. Кулеш // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – С. 44–51.

УДК 821.111-14

А. Е. Протопопова

ЛИРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассматриваются современные лирические стихотворные тексты британских и американских поэтов.